DELLA PRICE

ГРЕХИ ГОРОДА АНГЕЛОВ

ПОДИУМ

18+

A STORY BY

Della Price
Evan Gresham

Della Price. Грехи города ангелов. Подиум

https://litres.ru/74760444
SelfPub; 2026

Аннотация

«Вставай. Ты опозорила бренд».

Охранник поднял её за локоть. Камеры писали. Элла лежала лицом в полу перед миллионами и ждала, что спросят: цела ли. Никто не спросил.

По кредитке минус. Аренда — завтра до полудня. Элла подписала контракт не ради славы: чтобы не остаться без дома. Sterling Group купила не модель. Купила право переписать жизнь.

Здесь нет злодеев с криками. Штраф за лишнюю эмоцию, согласованные слёзы.

Элла хочет верить: она ещё человек, а не товар.

Селена Восс, лицо бренда, больше не сможет родить: тело починили, будущее украли. Айви Кросс верит, что инвесторы из Дубая купят её улыбку, не зная: за глянцевой витриной — жернова, перемалывающие судьбы. Подиум — не мечта. Конвейер: где из боли шьют коллекцию, молчание стоит золота. Скажешь «нет» — станешь опасной.

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Белый шум 10
Глава 2. Гравитация и стыд 17
Глава 3. Трезвость после падения 23
Глава 4. Четырнадцать миллионов просмотров 31
Глава 5. Волну можно направить 37
Глава 6. Официальное лицо 43
Глава 7. «Акулы в бассейне» 50
Глава 8. Баланс страха 56
Глава 9. Мальчик, который не имел права плакать 62
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Evan Gresham, Della Price
Della Price. Грехи города ангелов. Подиум

Пролог

Телефон дрожал на столе, выбивая короткую металлическую дробь. Бзз-бзз. Хаммонд. Снова Хаммонд. Красные уведомления залили экран.

Он схватил трубку и сбросил. Председатель совета директоров набрал немедленно, и в этой настойчивости было что-то домашнее: так отец требовал ответа, не повышая голоса. Джулиан выпрямился, поправил тяжёлую золотую запонку на левом рукаве. Жест вышел автоматическим, почти молитвенным.

— Где она? — спросил он, не оборачиваясь. Голос сел, и он услышал в нём чужую хрипотцу.

Калеб стоял у двери так, будто пытался стать её частью: плечо прижато к косяку, планшет прижат к груди, взгляд опущен. Он не выглядел испуганным. Он выглядел человеком, который быстро считал, сколько правды можно сказать, не потеряв место.

— Она уехала, сэр. Минут десять назад. Охрана пыталась задержать машину, но... она велела водителю дать по газам, если его не пропустят.

Калеб запнулся.

— Мы решили не рисковать.

— Не рисковать? — Джулиан обернулся. Кресло отъехало назад и глухо ткнулось в стену. — За пятнадцать минут

до показа, в который воткнули два миллиона, наша главная звезда уехала, потому что вы не стали рисковать?

Он зашагал по кабинету, и паркет отвечал короткими рваными ударами. Руки дрожали; он сунул их в карманы, но плечи продолжали мелко трястись.

Пятнадцать минут.

Если Sterling Group выйдет на подиум без лица кампании, Хаммонд к утру заговорит о смене руководства. Цифры стояли перед глазами: трещина на лобовом стекле, маленькая, а дальше — всё.

Отец не стал бы кричать. Посмотрел бы на часы: «Ты снова доверяешь тем, кому ты нужен только до конца смены». Спина свелась, пальцы похолодели, большой палец сам нашёл запонку.

— Найди кого угодно, — сказал Джулиан тише. — Мне нужно тело, которое наденет платье и выйдет.

Калеб лихорадочно листал планшет. Пальцы оставляли на стекле влажные разводы.

— Резервные списки пустые, сэр. Все либо заняты, либо хотят торговаться.

— Тогда бери тех, кто уже внутри.

Джулиан метнулся к столу и смахнул папку; листы разъехались по ковру без звука.

— Кто сейчас в здании? Не наши.

Калеб сжал губы.

Ждут расчёта у чёрного хода. Им платят почасово.

Джулиан замер. Почасовая оплата. Люди, которым нужны деньги сегодня, а не через две недели после проверки.

— Покажи.

Калеб протянул планшет. На экране мелькали кадры со служебного входа: размытые фигуры, усталые лица, тележки, пакеты. Взгляд Джулиана зацепился за девушку в углу. Она сидела на полу, обхватив колени, перед ней — открытый пластиковый контейнер с бутербродом и термос, крышка от которого служила чашкой. Чай был почти холодный; она пила маленькими глотками, будто экономила не только время, но и тепло. Крошки осели на тёмной ткани джинсовки. Она не плакала. Хуже: она ждала, когда её позовут.

Контейнер, термос, крошки на коленях — обычная картина для тех, кто ждёт расчёта у чёрного хода. Невидимая жизнь.

Калеб ткнул пальцем в экран, открывая карточку.

— Элла Вэнс. Ассистент стилиста. Не получила за две смены. По карте минус. Аренда студии — завтра.

Джулиан смотрел на опущенные плечи и чувствовал тошноту. Не от жалости. От того, как быстро жалость превратилась в план. Такая не побежит. Ей некуда.

— Эта, — сказал он.

— Сэр? Она не модель. У неё нет опыта дефиле. Если споткнётся...

— Пусть спотыкается! — Джулиан хлопнул ладонью по столу. Чашка кофе подскочила, тёмная струйка поползла по

бумагам. — Мне всё равно, как она пойдёт. Главное — чтобы вышла.

Калеб молчал. Он понимал: если сейчас принесёт решение, а не проблему, его имя ещё какое-то время будет в ходу.

— У неё есть допуск в техническую зону, — тихо сказал Калеб. — Подписала на входе. Стандартная форма.

— Какая ответственность за срыв мероприятия?

Калеб помедлил.

— Формально — никакая. Но если она поймёт, что вышла без согласования...

— Она не успеет думать. Испугается раньше. — Джулиан прижал дрожащие пальцы к столешнице. — Скажи: чрезвычайная ситуация. Добавь, что по допуску за срыв показа возможен иск. Сто двадцать тысяч.

— Сэр, она может проверить.

— За пятнадцать минут? — Джулиан посмотрел на него в упор. — Посмотри на её карту, Калеб. У неё нет денег на адвоката, и нет времени читать то, что она уже подписала.

Калеб побледнел, но не отвёл взгляд.

— Полный амбассадорский пакет согласуют три дня, — сказал он.

— Мне не пакет. Мне подпись. Дай предварительную форму участия. Права на имидж. Третья страница.

— Если она заявит, что её вынудили...

— Кто послушает девушку без контракта и без денег? — Джулиан посмотрел на кофейное пятно, расползающееся по

накладной. — Предложи тройную ставку за вечер. Плюс премию, если без инцидентов. Она подпишет.

— А если нет?

— Тогда у нас будет пустой подиум и твой личный вопрос, зачем ты медлил.

Калеб кивнул. Слишком быстро.

— Тащи её сюда, — приказал Джулиан, отвернувшись к окну. — И пусть бежит. У нас четырнадцать минут.

Калеб исчез за дверью, оставив тихий шорох бумаг на полу.

Джулиан прижался лбом к холодному стеклу. За окном Лос-Анджелес тянулся красными стоп-сигналами и белыми фарами; внизу шли машины, люди, чужие вечера.

Под рёбрами толкалось тяжело и неравномерно. В стекле смотрело серое под глазами лицо — ещё похожее на его.

Четырнадцать минут.

Он поправил запонку и набрал Калеба.

— Нашёл?

— Иду.

— Быстрее.

Вызов сбросился. На экране снова вспыхнуло имя Хаммонда. Джулиан прикрыл рот ладонью, телефон мигнул ещё раз, и он положил его экраном вниз.

Глава 1. Белый шум

Голова гудела. Не громко — противно, будто под черепом кто-то скрёб ногтем по пластмассе. Элла сидела на полу технической зоны, прислонившись спиной к бетонной колонне. Холод шёл сквозь худи, но плечи не шевелились. Перед ней лежал ноутбук: открыт файл с черновиком новой коллекции — тем самым, который она доделывала ночами после смены. Синий свет делал лицо бледнее. Пальцы сами правили линию плеча на эскизе. Здесь, в векторных слоях, всё слушалось. Никто не напоминал, что поздно, что пора освобождать место.

Рядом валялась раскрытая сумка: пластиковый контейнер с половиной сэндвича, зарядка, термос, телефон. На экране — приложение банка. Минус сто сорок два доллара. Аренда студии — завтра до полудня. Не заплатит — вещи выставят за дверь. Без драмы, без предупреждений. Замок сменят.

Элла откусила сэндвич из контейнера, запила чаем из крышки термоса. Чай остыл и отдавал металлом. Она проглотила, поморщилась. За левым глазом собралась горячая точка. Мимо прогрохотали грузчики со стойками; колёса скрежетали по бетону, но мысли ползли по кругу: кружево, подкладка, ещё один проход по плечевому шву.

Из коридора донеслось:

— ...смылась! Мне неважно, кто она. Пять минут, я ска-

зал!

Элла вздрогнула, ноутбук качнулся. Она подняла глаза.

Над ней стоял Калеб. Бледный, с потемневшим воротником, с пропуском на шнурке — «ассистент генерального». Говорил быстро, глотая концы слов, и переступал с ноги на ногу.

— Эй! Ты!

— Что? — переспросила Элла. Голос сел: она весь день не произнесла ни слова вслух.

Калеб оглядел её — с ног до головы, задержавшись на рукавах худи.

— Кармайкл смылась. Слышишь? Смылась. Джулиан хочет замену. Срочно. Ты подходишь по размеру?

Элла моргнула. «Замена»? Она посмотрела на свои руки: клей, нитки, тёмные пятна от ткани. На серое худи, вытянутое на локтях. Потом на Калеба.

— Я... я ассистент стилиста, — сказала она тихо. — Я тут луки добираю. Мне ещё аксессуары...

— Да плевать на аксессуары! — Калеб схватил её за запястье и рывком поднял с пола.

Ноутбук соскользнул и ударился о бетон. Короткий сухой хруст. По экрану от угла к центру поползла паутина трещин. Трещина прошла прямо через плечо платья на эскизе.

Элла замерла. На экране остались её эскизы, ночные правки и последняя версия, которую она не успела отправить.

— Пошли, — сказал Калеб, уже таща её к выходу. — Пять

минут.

— Пусти. Я не могу... я не...

Слова оборвались: хватка не ослабевала, ноги сами понесли её по коридору.

Калеб бросил через плечо, не сбавляя шага:

— Не дёргайся, пожалуйста. Иди спокойно. Упрёшься — будешь объяснять, почему сорвала показ. Выбирай быстрее.

Свет, лица, чёрные куртки персонала поплыли. Откуда-то тянуло музыкой, кто-то кричал, смеялся, звенели вешалки; всё наложилось друг на друга и стало гулом.

У поворота Калеб перехватил женщину с ножницами в руке и булавками во рту. Говорил тихо, чтобы Элла не услышала:

— Скажи ей про допуск. Сто двадцать. Блефуй, если понадобится. Мне потом с Хаммондом объяснять, а не тебе.

Женщина покосилась на Эллу, на Калеба, на его влажный воротник.

— Я не юрист.

— Не надо быть юристом. Надо напугать её до подписи. У тебя почасовая, да? Вот и отработай.

Женщина сжала ножницы.

— Годится! — рявкнула она уже Элле, грубо. — Обувь долой. Где твои туфли?

Элла посмотрела вниз: старые кроссовки, шнурки развязались. Женщина сунула ей под нос босоножки на шпильке.

— Я не... — начала Элла.

— Забудь, — фыркнула женщина. — Детка, я двадцать лет манекены одевала. Живая ты или нет — мне без разницы. Снимай кроссовки. И если сейчас дёрнешь назад, «Sterling Group» предъявит иск за срыв показа. Сто двадцать тысяч. У тебя на счету столько есть?

Сто двадцать тысяч.

Цифра не складывалась в сумму. Грудь не расправлялась. Ступни не слушались. Элла наклонилась, неуклюже стащила кроссовки, запуталась в шнурках, натянула чужие босоножки. Каблук хрустнул под весом, лодыжка дрогнула.

Худи стянули через голову, оставив в одной тонкой футболке. Сверху накинули тяжёлое атласное платье цвета шампанского. Ткань была прохладной и пахла химчисткой, чужими духами и складской пылью. Элла втянула воздух, но не дышала глубоко: боялась, что швы не выдержат.

Булавки впивались в бёдра, прихватывая лишнее. Сталь холодила кожу. Одна вошла слишком глубоко, кольнула бедро. Элла сжала губы, но никто не обернулся.

— Спина! — кричала женщина, разворачивая её плечи. — Не сутулься! Голову выше. Смотри в точку.

Элла слушалась. Тело само наклонилось за обувью. Её вертели, закалывали, поправляли. Рядом кто-то отводил глаза. Кто-то делал вид, что ищет булавку. Грузчик у стойки повернулся спиной.

Закулисье пахло лаком, потом и электричеством. Прожекторы били в глаза, и перед ними оставались тёмные пятна.

В зале Элла различала лишь силуэты голов, ряды спин, мобильные телефоны — чёрные прямоугольники в полутьме.

— Руки вниз.

Голос был низкий, ровный. Элла узнала его: ещё минуту назад Калеб держал телефон у уха, и этот голос сочился из динамика. Плечи втянулись, спина выпрямилась.

Джулиан Стерлинг стоял в тени кулис, скрестив руки на груди. Рядом — адвокат с тонкой папкой и планшетом. На экране планшета Элла успела заметить своё имя, строку «финансовая проверка подрядчика» и красным: 142,00. Ниже — «аренда студии: срок завтра, 12:00». Она не помнила, когда подписывала согласие на проверку платёжных данных. Кажется, на входе. Вместе с допуском. Вместе со всем, что не читала.

Взгляд Джулиана прошёлся по ней сверху вниз. Он задержался на её плечах, на опущенной голове, потом отвёл глаза. Машинально потёр запонку на левом рукаве.

— Подпиши.

Бумага оказалась перед носом.

Элла потянулась к листу. Пальцы оставляли на бумаге влажные следы.

— Я хотя бы...

— Потом. — Джулиан не повысил голос. — У тебя нет времени читать. У меня нет времени ждать.

Страницы были сбиты, номеров на полях — нет; третья прихвачена канцелярской скрепкой. Мелкий шрифт плыл:

«эксклюзивность», «права на изображение». Голова гудела всё сильнее.

Если не подпишу, завтра останусь на улице.

Если подпишу, может, сегодня хотя бы поем.

Желудок сжался. Во рту остался вкус остывшего чая и металла.

Джулиан взглянул на планшет и снова на неё.

— Элла Вэнс. Подрядчик. Минус сто сорок два. Аренда до полудня. — Он поднял глаза. — Подпись здесь — и карта оживёт. Не здесь — оживёт претензия. Я не люблю повторять.

Он говорил ровно. От него пахло дорогим табаком и остывшим потом.

Ручка дрогнула. Подпись вышла косой, почти детской. Элла не стала переписывать.

Адвокат вырвал бумагу из её рук и сунул в папку.

— Дальше.

Двое мужчин взяли её под руки — крепко, без извинений — и повели к выходу на подиум.

Элла считала шаги. В счёте проступило крыльцо: ступени, голос отца за стеной, не заплакать. Раз. Два. Дыши. Не думай. Иди.

Её вытолкнули вперёд.

Свет накрыл её целиком, белый и глухой. Зал загудел: дыхание, шелест, звон камер. Отдельных звуков не было — только сплошной шум.

Первый шаг. Каблук ударил по лакированному полу. Щёлк вышел чистым, почти смешным в этом шуме. Элла запомнила его.

Она шла. Каблуки находили ритм, плечи расправлялись, подбородок поднимался. Пальцы сжались, ногти впились в ладонь. Сталь булавки на бедре, пот под чужим атласом, гул в ушах вернули её в тело.

В этот момент вспышки фотоаппаратов превратились в стробоскоп. Белые точки. Черные точки. Белый. Черный.

Вспышки били подряд, и между ними оставался только провал. Под веками, в чёрной пустоте между кадрами, держался один образ: разбитый экран ноутбука на холодном бетоне.

Кто-то в наушнике сказал глухо, почти буднично:

— Первый выход. SLG-001.

Элла не обернулась. Каблуки нашли следующий удар.

Глава 2. Гравитация и стыд

Первый шаг вышел неуклюжим. Второй — чужим. На третьем Элла перестала отвечать за ноги: тело само нашло способ двигаться, а голова осталась где-то за кулисами, среди вешалок и приказов.

Подиум был узким и блестящим. Лак под каблуками казался мокрым, хотя в зале было сухо и душно от прожекторов. Босоножки на тонкой шпильке в тринадцать сантиметров врезались в стопу.

Пальцы ног сжались, пытаясь удержать равновесие, но ноги шли отдельно.

Свет бил в глаза, и перед ними плавали тёмные пятна. В первых рядах Элла видела только силуэты: плечи и головы, изредка вспыхивающие экранами. Лиц не было. Зал дышал где-то далеко, за стеной света.

«Иди прямо», — приказала она себе. Спина ровная, плечи вниз, подбородок не задирать. Ты стилист. Ты знаешь, как держать линию. Ты видела сотни показов. Просто делай, как они.

Она пыталась считать шаги. Раз. Два. И сбилась, мысли спутались. Ноги слушались с опозданием, будто принадлежали другой женщине. Элла смотрела на них со стороны: вот каблук, вот лицо в зеркальном отражении пола — накрашенное, не её.

Тело дрожало. Мелкая, противная дрожь поднималась от пальцев ног к коленям, к бёдрам, заставляла платье вибрировать на каждом шаге. Пот стекал по спине, забирался под резинку белья, щипал кожу. Элла чувствовала собственный запах — кислый, животный — и от этого становилось только хуже.

Дышать было нечем.

Музыка сменилась, бас ударил в грудную клетку и сбил сердце с ритма. Элла споткнулась — не сильно, но левая нога поехала вперёд. Руки дёрнулись, ловя воздух; пальцы сжались и ничего не поймали.

«Боже... какая я дура», — пронеслось в голове громче музыки, громче аплодисментов. «Я выгляжу как пьяная корова».

Слово «корова» — ударило запахом.

Подиум качнулся. Исчезли духота, лак и сладкий парфюм из первого ряда. Стали навоз, сухая трава, раскалённый металл.

Ей было семь. Техас. Ранчо. Жара такая, что воздух дрожал над двором.

Отец смеялся:

— Ну-ка, принцесса, покажи нам свой ход!

Элла, тощая, в грязном ситцевом платьице, вышла на деревянный помост для сена. Внизу, в пыли, стояли коровы. Рыжая Молли подняла голову и мыкнула, глядя на девочку.

Элла задрала нос. Шаг. Ещё шаг.

Доска скрипнула. Нога попала в трещину.

Она полетела лицом в пыль. Прямо перед Молли.

Корова смотрела на неё чавкая пережевывая сено.

Отец захохотал ещё громче. Дети тыкали пальцами.

— Принцесса упала!

Колени были содраны, песок лип к крови, муравьи ползли по шее, но боль отступила на второй план: было стыдно так, будто кожа сошла с лица и осталась лежать в пыли.

Маленькая Элла встала. Отряхнула платье. Пошла дальше.

Отец хмыкнул и отвернулся к загону. Там надо было поправить калитку.

Резкая вспышка ударила в веки и вернула её в Лос-Анджелес.

Элла моргнула; слёзы уже стояли в глазах. Нет. Нельзя. Тушь потечёт. Пальцы впились в ладони. Боль на секунду собрала её в кучу, потом снова отпустила.

Я ничего не контролирую.

Она выпрямила спину. Шея заныла. Каждый шаг отнимал больше, чем давал. Каблуки царапали лак, и этот скрежет, казалось, был слышен даже в дальних рядах.

А там, за бархатной лентой, в первом ряду, сидели те, кто решал, существовать показу или нет.

Вивиана Кросс, редактор глянцевого журнала, не смотрела на подиум. Телефон Вивианы был повёрнут экраном к ней: трансляция с верхней камеры, таймер, чат редакции.

Пальцем она крутила что-то в ленте, но голос был ясный.

— Плечи зажаты. Центр тяжести уходит назад. Она не идёт, она терпит. Кто её ставил?

Актриса из дешёвого сериала сделала глоток шампанского, поморщилась и поставила бокал. В её лице не было злорадства — только скука.

— Интересный выбор, — сказала она. — Стерлинг любит контрасты. Но обычно между платьем и телом, а не между подиумом и подсобкой.

Элла чувствовала их голоса как ожог на шее, хотя они говорили тихо. Воздух стал гуще. Грудь сжалась.

«Только до конца. Там поворот. Развернуться. Красиво. Как в школах моделей».

Она дошла до края. До трёх метров, отделявших её от публики, от глаз, от приговоров.

Нужно остановиться, выдержать паузу, развернуться.

Элла шагнула вперёд, чтобы занять точку. На долю секунды ей показалось, что всё сложится: свет перестал резать глаза, музыка вошла в шаг, даже каблуки перестали спорить с ней. Каблук поймал заусенец на лаке.

Короткий скрежет вышел сухим и противным, будто под каблуком надломилась тонкая кость. Сначала звук, потом тело.

Стопа пошла назад. Центр тяжести сорвался.

Элла увидела потолок: софиты и чёрные мешки проводов; в верхнем ряду зияли пустые кресла. Краем сознания она от-

метила экран у кулис: Джулиан. Разъярён. Его большой палец лёг на запонку, и от этого привычного жеста стало холоднее, чем от его крика.

Она замахала руками, пытаясь поймать равновесие. Руки не слушались, стали тяжёлыми. Платье обвилось вокруг ног.

Удар. Ещё один. Тело сложилось, как пустая коробка.

В нос ударил запах лака. На губе — солёный металлический привкус крови.

Музыка оборвалась, кто-то ахнул, потом пошли щелчки камер и телефонов, вспышки били по глазам. В чёрных провалах между ними Элла видела только ряды светящихся экранов. Кто-то снимал. Кто-то уже выкладывал. Одна вспышка в первом ряду мигнула раньше остальных, будто ждала.

Они снимают. Не помогают. Снимают.

Это не кончится сегодня. Это пойдёт дальше: в ленты и в чужой смех.

Шёпот вырос.

— Она упала...

— Позорище...

— Sterling теряет лицо, — сказал кто-то слишком отчётливо.

Элла лежала лицом вниз. Щека прилипала к холодному лаку. Волосы закрыли обзор. Боль пришла позже: копчик, запястье, каждый вдох отдельно.

Никто не протянул руку.

Где-то в горле застряло отцовское: «Вставай, принцесса». Она ждала, что сейчас скажут это вслух. Никто не спросил, цела ли она.

Кто-то взял её под локоть — крепко, но формально. Пальцы вдавились в кожу, подняли рывком. Голова закружилась, тошнота подкатила к горлу.

Перед ней стоял охранник в чёрном костюме.

— Вставай. Камеры работают, — сказал он тихо. Глаза смотрели поверх её головы, в зал, будто её там уже не было.

Он поставил её на ноги и двумя пальцами смахнул пылинку с её плеча. Потом отвернулся.

Элла посмотрела ему в спину.

Пол качнулся. Она сделала шаг. Каблук скрипнул. Второй. Третий.

Она шла, но не переставала падать.

Глава 3. Трезвость после падения

В кабинете было так тихо, что Джулиан слышал, как лёд в стакане виски щёлкнул.

На экране ноутбука держалась красная цифра: 12%. Sterling Group. Двадцать минут назад он ещё верил, что вечер можно спасти. Теперь цифры смотрели на него спокойно, как врач, которому не нужно объяснять, что пациент уже мёртв.

Он закрыл крышку. Красное пятно осталось на веках. Телефон на столе коротко дрогнул: уведомление от брокера. Что-то про приостановку торгов, официальное заявление, необходимость взять паузу. Джулиан смахнул извещение, не дочитав. Паниковать было поздно, а признавать масштаб — ещё хуже.

Виски обожгло горло. Дым, торф, что-то древесное и дорогое. Он сделал второй глоток, потом третий, будто жидкость могла вымыть из головы скрежет каблука по лаку, который преследовал его даже на беззвучной записи.

На столе осталось мокрое кольцо. Джулиан потянулся за салфеткой, посмотрел на него и оставил.

Он открыл ноутбук снова. На экране шла запись показа. Звук был выключен. В комментариях под видео люди успели написать больше, чем совет директоров за весь год.

«Что это было?»

«Стерлинг нанял случайную прохожую?»

«Позор Лос-Анджелеса.»

«Элла Вэнс кто? Новое лицо нищеты?»

Джулиан поставил видео на паузу. Кадр замер: Элла на полу, волосы закрыли лицо, платье смято под ней, как брошенная ткань. Палец сам нашёл кнопку звука. На долю секунды в кабинете вспыхнул скрежет каблука по лаку, чей-то сбитый вдох, обрывок музыки. Джулиан выключил.

Не надо было слышать это ещё раз.

Формально контракт держался. Пункт 4.2, передача прав на имидж, момент публичного выхода — всё было прописано так, как любил его юрист. Но Джулиан знал: стоит Элле прийти к адвокату и объяснить, что она подписывала под угрозой иска, без времени и без возможности прочитать, — сделку начнут оспаривать, будут тянуть, обсуждать, копать. А пресса уже копала.

Ей нельзя давать думать. Ни интернета, ни подруг, ни номера юриста.

Телефон снова дрогнул. Хаммонд.

— Сука, — сказал Джулиан вслух. Голос оказался чужим, сухим.

Он встал слишком быстро. В голове помутилось, но он подождал, пока комната перестанет качаться, и вышел в коридор.

Калеб стоял у двери, будто ждал приказа стрелять. Телефон был в руке, экран потухший. Пальцы у него тоже дро-

жали, но он прятал их в карман.

— Хаммонд звонил четыре раза за последние десять минут, — сказал Калеб. — Я уже не отвечаю. Если позвонит снова, скажу, что вас похитили. Или что вы умерли.

— Скажи, что я недоступен до утра, — Джулиан посмотрел на него. — И никого не впускай. Даже если придёт Хаммонд лично.

Калеб моргнул.

— Вы куда? Уже полночь. Машина внизу.

— Отпусти машину.

— Сэр...

— Иди домой, Калеб.

Калеб не сдвинулся с места.

— В Беверли ночью неспокойно. А вы...

— Я знаю, где нахожусь.

Это прозвучало резче, чем он хотел. Калеб отступил в тень коридора. Джулиан вышел в лифт один.

Ночной Лос-Анджелес встретил его сухим теплом и запахом океана, который сюда доходил только после полуночи, когда город выдыхал дневную пыль. Охранники у стеклянных дверей Sterling Tower выпрямились, увидев босса без пиджака с расстёгнутым воротом и растрёпанными волосами. Один сделал шаг вперёд, будто хотел предложить вызвать машину. Но взгляд Джулиана остановил их. Один жест рукой — «отставить».

Бульвар Сансет был почти пуст. Фары редких машин про-

ходили мимо, не задерживаясь. Фонари ложились на тротуар жёлтыми пятнами, между ними тянулись тёмные полосы. Джулиан считал шаги, хотя не собирался. Левая. Правая. Камень попал под тонкую подошву итальянских туфель. Туфли были созданы для мрамора, ковров, красных дорожек. Не для ночного асфальта.

У закрытого ресторана за витриной официант протирал столы. Медленно, круг за кругом, белой тряпкой. Джулиан остановился. Мужчина не замечал его. У него была работа, простая и понятная: убрать крошки, сложить салфетки, закрыть смену. Завтра он придёт снова и сделает то же самое.

Джулиан смотрел, как тряпка описывает круги, и чувствовал, что у него самого нет следующего действия. Только следующие последствия.

Он отвернулся и пошёл дальше.

Суд — долго. Публично. Бренд умрёт раньше, чем закончится первое заседание.

Молчать нельзя. Инвесторы уже видят цифры. Тишину не простят.

Значит, говорить. Но не оправдываться. Оправдание пахнет слабостью.

На перекрёстке горел красный. В луже у бордюра дрожал неоновый свет вывески. Джулиан посмотрел вниз и увидел, как ровно сжаты его губы. Не страх. Дисциплина. Отец годами учил, что испуганное лицо — уже признание поражения. И Джулиан научился так хорошо, что теперь не мог отличить

собственные мысли от отцовской команды.

Используй.

Слово не прозвучало. Оно просто легло под рёбра, тяжёлое и нужное.

Джулиан выпрямился.

Голая беда отталкивает. Люди отводят глаза: чужое падение слишком напоминает им о собственной хрупкости. Но стоит после кому-то встать — и страх становится зрелищем, а неудача перестаёт быть приговором.

Нужно было дать им не позор. Нужно было дать им историю падения, после которого кто-то встал.

Телефон в руке снова дрогнул. После приостановки торгов цифра всё равно ползла вниз — так рынок оценивал ущерб до официального открытия. 14%.

Джулиан набрал Марго. Не адвоката. Адвокаты умеют только уменьшать ущерб. Нужен был кто-то, кто умеет продавать смысл.

Гудки тянулись долго. На девятом или десятом линия щёлкнула.

— Алло?

Голос Марго был сонным, но не удивлённым. Она ожидала этого звонка.

— Джулиан, час ночи. Как мило. Ты звонишь только когда кто-то умер.

— Умер не умер, Марго. Мне нужно воскрешение.

— Воскрешение? Труп ещё не остыл, а ты уже считаешь,

сколько заработаешь на поминках?

— Твой показ провалился, — сказала Марго. — Мы видели видео. Это было... жалко.

Джулиан помолчал. Он поймал себя на том, что уже ищет не оправдание, а заголовок.

— Именно поэтому это интересно. Люди смеются над ней. Но завтра утром они будут плакать вместе с ней. Мне не нужна твоя жалость, Марго. Мне нужен эксклюзив. Первая страница. Завтра. Интервью с девушкой, которая упала и встала.

Пауза на другом конце провода.

— Ты серьёзно? Ты хочешь сделать из этой неудачницы героиню? А если она не встанет? Если сломается окончательно?

— Тогда ты напишешь некролог, — холодно ответил Джулиан. — Но я думаю, что встанет. У неё нет выбора. Она будет молчать. А говорить буду я. Через её образ. Её глаза. Её шрамы.

— Джулиан, ты сумасшедший. Она же никто.

Он закрыл глаза. Перед ним всё ещё лежала Элла: волосы, платье, кровь на губе. Не человек. Случай. То, из чего завтра сделают историю.

— Она не никто, — сказал он тише. — Она теперь моя. И уйти ей некуда. Я сделаю из неё легенду. Договорились?

— Иди спать, Джулиан.

Марго тихо выругалась.

— Утром расскажешь детали. И, Джулиан... ты не испра-

вим.

— Возможно.

Он сбросил вызов.

Экран погас. В чёрном стекле снова было видно его лицо, но теперь оно казалось почти спокойным.

До дома оставалось несколько кварталов. Джулиан шёл быстрее.

В домашнем кабинете было слишком чисто. Не по-хозяйски, а как в номере, который готовят к продаже. Он не включил верхний свет, сел за стол, открыл ноутбук. Пальцы зависли над клавиатурой.

Палец сам лёг на запонку. Левая. Правая. Он ненавидел этот жест: отец делал так перед враньём. Джулиан продолжал крутить, пока металл не нагрелся.

Джулиан набрал:

«Несмотря на технические сложности...»

Стёр.

«Показ Sterling Group завершился...»

Стёр.

«Элла Вэнс продемонстрировала силу духа...»

Стёр. Слишком гладко.

Он смотрел на мигающий курсор. Курсор мигал ровно, терпеливо, как будто знал, что Джулиан вернётся к нему. Потом начал снова, медленно.

«Она упала. И всё-таки вышла на подиум».

Джулиан прочитал строку дважды. Не идеально. Но живо.

Он оставил её в документе и впервые за вечер не потянулся за виски.

Глава 4. Четырнадцать миллионов просмотров

Первым Элла заметила не боль, а тишину.

Холодильник не гудел, кран не капал, и за стеной никто не переставлял мебель. Квартира ждала, когда она первая пошевелится.

Она не открывала глаза. Пока темно, вчерашний вечер ещё можно назвать дурным сном. Элла полежала так, считая дыхание, потом моргнула.

Над ней был потолок: трещина в форме молнии и жёлтое пятно от протечки, которое она собиралась закрасить.

Реальность.

Живот свело. Элла вцепилась в край матраса; простыня под ладонью была влажной. Во рту стоял металл: губа лопнула. Язык нашёл корочку, и она поморщилась. Когда попыталась сесть, бедро отозвалось тяжёлой, натянутой болью, а запястье коротко прострелило. Не сон.

Телефон лежал экраном вниз.

Она посмотрела на него и не сразу протянула руку. Казалось, если не включать, ничего не изменилось. Изменилось. Элла перевернула аппарат, и свет ударил в глаза.

Телефон был горячим. Уведомления стояли плотной стеной: пропущенные, сообщения, упоминания, лайки. Число

новых сообщений росло, пока не слилось в размытую строку.

Instagram открылся прежде, чем Элла решила, что будет делать.

Видео было снято сбоку, трясучее, с чужого телефона. Она в платье идёт по подиуму, спотыкается, руки взлетают, удар об пол. Музыка из динамика вышла глухой, но узнаваемой. Элла убавила звук, не выключая. Четырнадцать миллионов просмотров.

Она выключила экран. Включила снова. Цифра осталась. Потом подпрыгнула.

Комментарии текли быстро, и глаза цепляли только отдельные слова:

«это рофл?»

«Sterling really???»

«упала как моя бабка в ванной ##»

«бедная, ей же больно»

«кто это? новая нищенка на подиуме?»

«она жива??»

«инклюзивность, ага»

«смешно, пока не окажешься на её месте»

«видео огонь, но бедняжка»

Слово «бедная» заставило её сжать телефон так, что пальцы побелели. Жалость была хуже. От неё хотелось лечь обратно и не вставать.

Телефон завибрировал. Неизвестный номер.

Элла взяла трубку, не успев сказать ни слова.

— Мисс Вэнс. Это Джулиан Стерлинг.

Голос был ровный, без утренней хрипотцы.

— Я не буду отнимать у вас утро. Только минуту.

Элла сжала телефон.

— Я видел запись. Мне жаль, что вы остались с этим одна.

Она не ответила. В трубке осталось только её дыхание.

— К утру видео прошло через двадцать два миллиона экранов. Люди ищут, кто вы.

Она молчала. Телефон жёг ухо.

— Через три дня смех утихнет, — сказал Джулиан. — Потом начнут спрашивать, чья это история. И тогда она станет дороже.

— Что вы хотите?

— Чтобы вы не остались одна с долгами и чужими версиями. Я могу сделать так, чтобы это работало на вас.

Он сказал это мягко. Слишком мягко. От этой мягкости по спине прошёл холод.

— Я упала лицом...

— Нет. Бедром и ладонью. Лицо целое.

Пауза была короткой, но в ней он будто дал ей время принять поправку.

— Мы можем переписать историю. У вас ещё есть время выбрать, чья версия выйдет первой.

— Чья? — голос вышел тише, чем она хотела.

— Моя. Или тех, кто уже пишет о вас без вас.

Элла посмотрела на потолок. Трещина в форме молнии.

Жёлтое пятно. Всё то же утро, только в нём появился чужой голос.

— Пятьдесят тысяч авансом сегодня. Контракт на год, остальное — по этапам. Плата за ваше имя, ваше лицо и вашу сдержанность.

— Сдержанность?

— Никаких публичных комментариев без согласования с PR.

— А видео?

— Удалить уже нельзя. Но волну можно направить.

— Куда?

— Сделаем так, чтобы завтра видели не падение, а человека, который устоял.

— Я лежала на полу.

— И встали. Это важнее.

Она закрыла глаза. Ей хотелось кричать.

— Если я скажу нет?

Пауза. Элла услышала, как где-то далеко гудит вентилятор.

— Тогда я не стану вас удерживать. Но между нами уже есть подпись. Я бы не стал напоминать о ней. Вы оставляете мне мало выбора.

— Вы угрожаете?

— Нет. Я предлагаю не оставаться одной там, где толпа уже делит вас на части. Аренду, карты и прочие долги закрываю до полудня. Остальное обсудим в офисе.

Ещё пауза. Короче. Суше.

— Вы хотите купить меня.

— Я предлагаю не отдавать себя даром.

В трубке послышался тихий щелчок. Элла не знала, что он положил — ручку или чашку.

— Машина будет через час, мисс Вэнс. Не опаздывайте. Сегодня любое опоздание прочтут как неуважение. А вас и так уже готовы не уважать.

Линия замолчала. Короткие гудки были ровными, терпеливыми. Элла слушала их, пока не поняла, что считает.

Экран погас. В чёрном стекле отразилось её лицо: опухшее, с красными веками, разбитой губой и синяком, который начал набухать под левым глазом. Она не узнала себя. Не ту, что вчера сидела на полу технической зоны и рисовала линию плеча в ноутбуке. Та ещё могла выбирать.

Она открыла Instagram ещё раз. Новый комментарий, уже с тысячей лайков:

«она встанет. все падают»

Эллу замутило. За неё уже написали следующую серию.

Телефон пискнул. Сообщение от того же неизвестного номера:

«Дальше — улыбка. Дж.»

Элла посмотрела на строку. Не ответила. Не удалила.

Она встала. Колени подогнулись, копчик отозвался тупым толчком, запястье — горячим швом, бедро — тяжёлой, чужой болью. Едва не села обратно, но удержалась. Дошла до

кухонной зоны, взялась за край раковины. Открыла кран. Ледяная вода ударила в лицо, смывая кровь и тушь. В слив потекла бледно-розовая струйка.

Полотенце было жёстким, въевшимся порошком. Элла вытерла лицо и посмотрела на телефон. Банковское приложение всё ещё было открыто. Минус сто сорок два. Напоминание: аренда — сегодня до полудня.

У двери стояли босоножки на шпильке. В лаке у каблука застряла тёмная крошка. Элла отвернулась.

Она нажала обратный вызов.

Гудок был один.

— Мисс Вэнс.

— Где встречаемся?

Глава 5. Волну можно направить

Стеклянная стена переговорной отделяла Эллу от коридора, но не от холода. Кондиционер дул в шею, и она держала руки на столе, чтобы не потянуться к воротнику джинсовки. На столе лежали планшет, стакан воды, ручка. Напротив, сидел Джулиан и не смотрел на неё. Палец его скользил по телефону, останавливаясь на каких-то строках. Справа — Сара из PR, слева — юрист Марк Фенвик, а между ними мужчина с планшетом, которого представили просто: консультант. Он не пожал ей руку. Только открыл файл, будто перед ним была не девушка, а опись.

— Мы не меняем факты, — начала Сара. Голос у неё был мягкий, тренированный. — Мы смещаем акценты.

Консультант повёл стилусом по экрану. Скрип вышел тихий, канцелярский.

— Сверим отправную точку, — сказал он, не поднимая глаз. — Техас, округ Трэвис. Смерть Бабушки.

Элла открыла рот, но он уже перелистывал файл, как меню. Бабушка. Автобусный парк. Фабрика. Мешки. Всё настоящее, но собранное в другом порядке.

— Отец держал небольшой парк, обанкротился в двадцатом, — продолжал он ровным голосом. — После этого семья начала рушиться. Отец запил. Мать ушла.

Слово «ушла» повисло между ними.

— В согласованной версии, — быстро добавила Сара, увидев, как Элла напряглась. — Не в жизни. В версии.

Элла сжала край стола.

— Мама никуда не уходила. Она медсестра в Остине. Мы созваниваемся по субботам.

Марк Фенвик поднял глаза от бумаг. Не резко. Как человек, у которого на всё был график.

— Мисс Вэнс, согласие на проверку ты подписала ещё до входа в переговорную. Поэтому нам известна твоя финансовая картина. Долг по картам. Аренда просрочена на два месяца. Управляющая не станет ждать ещё одну субботу.

Холод из шеи спустился к ключицам. Элла поймала себя на том, что водит пальцем по краю стола, будто там были ступеньки.

— Sterling может выплатить аванс в пятьдесят тысяч сегодня, — продолжил Марк. — Но публичный образ должен соответствовать истории девочки, которая боролась за место под солнцем. Не девочки, у которой есть стабильная семья и медсестра-мать.

Сара положила ладони на стол. Маникюр был матовый, без единого скола.

— Медсестра в Остине — это не история. Это быт.

Она чуть наклонилась вперёд, будто говорила о погоде.

— Мы не просим тебя предать мать. Мы просим не делать её публичной опорой. Это разные вещи.

Элла хотела сказать, что это не разные вещи. Но в голове

уже щёлкало: минус сто сорок два, два месяца аренды, пятьдесят тысяч.

— Элла, никто не просит сочинять, — мягко сказала Сара. — Просто не прыгай по фактам. У нас есть согласованная арка.

Бабушка действительно болела и умерла. Отец действительно замкнулся в себе после банкротства. Мать действительно тянула семью. Только теперь из этого складывали совершенно другой порядок под нужным углом.

— Приезд в Лос-Анджелес? — спросила Элла, отводя взгляд от чужих ногтей. Голос вышел тише, чем она рассчитывала.

— Грант не дали, — сказал консультант. — Деньги кончились. Хостел. Машина друга. Официантка. Уборщица.

— Я жила в студии, которую оплатил дедушка.

Консультант не спорил. Он только перелистнул страницу.

— Дедушка Фрэнк умер прошлой зимой.

Элла кивнула. Горло сжалось так, что она не сразу смогла вдохнуть.

— Значит, после его смерти ты осталась без поддержки, — сказал он. — Это держит арку.

Не «это правда». Не «это твоя жизнь». Держит арку.

Марк придвинул папку. Бумаги шуршали сухо, по-канцелярски.

— Согласие на использование образа и биографических данных в маркетинговых целях. Ограничение публичных

комментариев. Штраф за несанкционированное заявление — пятьсот тысяч. Пункт семь, подраздел С.

Элла посмотрела на цифру. Пятьсот тысяч. Она не умела представлять такие суммы. В голове были только три числа: минус сто сорок два, пятьдесят тысяч аванса, пятьсот тысяч штрафа. Первое уже превращалось в просрочку. Второе спасало. Третье казалось далёким.

— Я должна перечитать, — сказала она.

Сара улыбнулась. Улыбка была вежливая и не обещала ничего.

— Конечно. Но у нас окно до десяти. Если подпишешь сейчас, бухгалтерия проведёт аванс сегодня. Если нет — только на следующий рабочий день. А аренда ждать не будет.

Марк открыл папку на нужной странице и положил перед ней ручку.

— Мисс Вэнс, здесь нет шантажа. Есть цена за выход за рамки согласованного.

— Какой рамки? — спросила Элла.

— Той, которая работает.

Элла взяла ручку. Ручка оказалась тяжелее, чем выглядела. Элла нажала на бумагу сильнее, чем нужно, и подпись пошла рвано, почти по-детски.

Джулиан забрал бумаги, даже не просмотрев.

— Завтра в десять, — сказал он. — Без опозданий.

Сара записала что-то на планшете.

— Позиционирование — «дикарка, покорившая город».

Само выражение было настолько пошлым, что Элла на секунду перестала чувствовать холод в шее.

— И правило — продолжила Сара не спорь, не объясняй лишнего. Отвечай только на тот вопрос, который тебе зададут. Договорились?

Элла посмотрела на свои ногти. Прозрачный лак, ни зауселцев. Руки были слишком гладкими для ткани и клея.

— Договорились.

На выходе ей выдали пропуск, график и лист с запрещёнными темами. Лист был плотный, текст мелкий. Элла сложила его вчетверо и сунула в карман джинсовки. Ткань была тёплая, потёртая. Элла сжала её в кулаке и не сразу разжала пальцы.

Такси пахло кожзаменителем и чужим парфюмом. За окном машины стояли в красных хвостах, а вывески мазали стекло жёлтым. Телефон вибрировал на коленях. Мама.

Элла не ответила сразу. Посмотрела, как имя прыгает на экране, потом приняла вызов.

На экране было лицо матери, а за ним — кухня: тёплый свет, обои в мелкий цветок, край клеёнчатой скатерти с пятном от супа. За спиной Клэр Том сидел за столом, перед ним остывала тарелка. Он выглядел старше, чем в последний раз, когда Элла видела его вживую.

— Элли! — Клэр улыбнулась, и улыбка вышла усталой, но настоящей. — Как день, детка?

— Нормально, мам. Всё нормально.

Она услышала собственный голос и насторожилась: слишком ровный, слишком готовый.

Том посмотрел в камеру, потом на телефон у неё в руке.

— Тебе уже написали, что говорить? — спросил он.

Элла промолчала.

— Хорошо, — сказал Том тихо. — Только не давай им решать, когда тебе молчать.

Клэр огрызнулась:

— Том, дай девочке перевести дух. Главное, деньги придут. Крыша есть. Остальное потом.

Элла кивнула, хотя они, наверное, не видели. На экране всплыло уведомление. Имя Джулиана. Она не открыла. Сообщение осталось висеть белым прямоугольником поверх лица матери.

Том выключил камеру первым. Экран погас. Элла посмотрела на свои пальцы: ноготь у большого пальца был обкусан, несмотря на салон. Она провела по нему подушечкой другого пальца и поймала себя на том, что улыбается. Улыбка не уходила. Она оставила её висеть на лице, как лишнюю деталь.

В календаре под уведомлениями значилось: 09:30 — гримёрка Sterling.

Глава 6. Официальное лицо

В гримёрке было сухо. Пахло клеем для ресниц, нагретым пластиком стайлеров и чужими волосами, которые никто не убрал после предыдущей модели.

Элла сидела перед зеркалом, окружённым раскалёнными лампами. Тиффани наносила тональный крем оттенка «бронза», работая спонжем короткими ровными движениями, будто красила не лицо, а поверхность.

— Не моргай, — бросила Тиффани, не поднимая глаз. — Моргнёшь — пойдут заломы. Ретушь у нас не резиновая. Улыбнись. Нет. Меньше. Ещё меньше. Вот. Дыши ртом. Только тихо.

Корсет давил на рёбра, не давая сделать полный вдох. На краю зеркала лежала карточка от диетолога Sterling: «до 16:00 — не более 900 ккал, без соли, вода маленькими глотками». Завтрак состоял из половины грейпфрута и чёрного кофе, обед — из нескольких ложек риса и кусочка отварной курицы. Живот сжался и издал глухой звук. Элла напрягла пресс, чтобы петличка, спрятанная в складках тяжёлой ткани, не поймала его.

Съёмка, которую обещали на следующее утро, пришла через неделю. Сначала были пробы, потом интервью, потом ночные правки образа, и дни слиплись, как ткань после отпаривателя. Elle выпустил заметку о её пути от ранчо до по-

диума, Vogue взял большое интервью, а в календаре появились слоты, которые Элла не помнила, как согласовывала.

Дверь открылась без стука. Вошла Сара с планшетом, а за ней Селена Восс — чёрный костюм Sterling Heritage не имел ни складки, ни блеска.

Сара наклонилась к уху Эллы и одними губами, не глядя на неё, прошептала:

— Селена утверждает новую линейку. Контракт обязывает её лично смотреть все съёмки с лицами бренда. Она не снимается. Только решает, пойдёт материал в кампанию или нет.

Элла кивнула, не поворачивая головы. За спиной стало тише, и эта тишина давила между лопаток, как чужая ладонь.

— Готова? — спросила Сара, даже не глядя на неё. — Сегодня ты официальное лицо линейки Heritage. Билборды на Сансет, баннеры на сайте.

— Я думала, только показ, — тихо сказала Элла.

— Теперь ты лицо бренда. Elle написал о твоём пути. Vogue взял интервью. За неделю ты прошла пробы, примерки и три съёмочных дня. Сегодня — главное. Понятно?

Элла молча кивнула. За эту неделю ей запретили сарказм и термины про крой; сегодня, казалось, отобрали и право на собственное мнение.

— Съёмка для Reels и TikTok, — продолжила Сара. — Тема: «Самая ценная вещь из детства». Реквизит готов.

Ассистент внёс столик, накрытый грубой мешковиной. На

нём лежали деревянная ложка, потёртая верёвка и кусок ткани. Рядом, на хромированной стойке, небрежно висел шёлковый шарф Селены.

— По сценарию: ложка — единственное, что осталось от мамы. Верёвка — подвязывала ею штаны в поле. Потом слоган: «Сила в простоте. Sterling Heritage». Две минуты. Эмоции — на пределе, но без истерики.

Элла посмотрела на ложку. Лакированная, новая, пахла магазином, а не кухней. Она вспомнила настоящую ложку бабушки — тяжёлую, деревянную, с глубокими царапинами на ручке, которую та не выбрасывала, потому что «вещь с историей крепче новой». Здесь ей предлагали плакать над предметом без памяти, над куском дерева, только что сошедшим с производственной линии.

— Почему эти предметы? — спросила она.

Сара посмотрела на дорогие часы, потом на Эллу, потом снова на часы. В её глазах мельнуло не раздражение, а бухгалтерский расчёт.

— У нас пять минут, Элла. Ложка, верёвка, слоган. Если не возьмёшь эмоцию, мы снимем крупно и допишем в монтаже. Плакать не обязательно. Достаточно, чтобы было видно, что тебе больно.

Селена не повернулась. Глядя прямо в монитор, она произнесла ровным, лишённым интонации голосом:

— Шарф убери с прохода.

Ассистент торопливо снял шёлк со стойки, но один конец

всё равно остался висеть опасно низко.

Камера включилась. Красный огонёк мигнул, фиксируя Эллу в центре внимания.

— Пошли. Дубль первый, — сказал режиссёр.

Элла взяла ложку. Дерево было неестественно прохладным.

— Это единственное, что осталось от мамы, — сказала она ровно. — Она кормила меня этой ложкой, когда еды не было.

Режиссёр нахмурился, делая недовольный жест рукой. Элла положила ложку, взяла верёвку.

— Я подвязывала ею штаны в поле...

Голос оборвался. Вместо слёз изо рта вырвался смешок — сухой, короткий, будто кто-то чиркнул спичкой. Элла попыталась его проглотить, но корсет не дал вдохнуть, и звук пошёл дальше: надломленный, чужой, похожий то ли на кашель, то ли на смех.

Перед глазами всплыла кухня в Техасе: сломанная пряжка, мамин узел на джинсах и звук — мама смеётся громко, хрипло, так, что дребезжат стаканы в шкафу. «Ну ты и хитрюга, Элли». Там смех означал, что она дома. Здесь он означал, что она не выдержала.

Каждый судорожный вздох впивался в рёбра. Элла смеялась и одновременно чувствовала, как под тяжёлой тканью проступает синяк.

— Стоп! — крикнул режиссёр.

Элла попыталась остановиться, но засмеялась громче, стирая потекшую тушь тыльной стороной ладони.

Сара подошла к камере. В её голосе не осталось ни мягкости, ни тренированной вежливости.

— Выключить запись.

Красный огонёк погас. Камера стала просто стеклом.

— Элла, люди покупают чужую боль, если она выглядит правдоподобно. Твой смех — нет. Если не сможешь дать нужное, мы вырежем рот и оставим глаза. Но тебе ведь не хочется, чтобы твоё лицо доделывали чужие руки?

Элла не извинилась и не опустила головы. Продолжала смотреть прямо в объектив.

Селена, до этого смотревшая только в монитор, повернула голову. Только на долю секунды. Её взгляд прошёлся по Эллиным рукам, по размазанной туши, по корсету и остановился на лице.

— Следующий дубль — без зубов, — сказала она.

Сара кивнула, будто это было очевидно. Режиссёр на секунду задержал взгляд на Селене, потом опустил глаза в монитор. Элла поняла сама: не смеяться. Не показывать рот. Только глаза.

Селена вышла, не оборачиваясь. Каблуки гулко стучали по бетонному полу. Элла смотрела ей вслед и ловила себя на глупой мысли: у Селены тоже не было права выйти из кадра.

Элла шагнула назад, чтобы снять микрофон, и каблук зацепил низкий конец шёлкового шарфа. Шёлк натянулся,

хромированная стойка качнулась. Элла схватила ткань раньше, чем успела подумать. Пальцы сжали шёлк, и только потом до неё дошло: она спасает чужой шарф. Тот самый, который минуту назад висел у неё над головой, как угроза.

Режиссёр не стал ругаться. Он посмотрел на Эллу долго, оценивающе.

— Переснимем завтра, — тихо сказал он. — Без ложки. Без верёвки. Только лицо. Крупно. Пусть камера сама решит, что там.

Селена уже была у двери, когда обернулась. Увидела, как Элла крепко держит её шарф. Не кивнула. Не поблагодарила. Только посмотрела так, будто жест отправился в какой-то её личный отчёт, и скрылась в коридоре.

Элла осталась одна. В павильоне остались фанерные стенки, пыль в луче света и запах чужого парфюма.

Она нашарила боковую молнию и дёрнула вниз. Ткань не поддалась. Тогда она потянула сильнее, и корсет наконец сполз с рёбер. На бледной коже живота и рёбер проступили багровые, воспалённые полосы. Элла посмотрела на запястье: красная полоса от тугой манжеты легла поперёк, ровно там, где обычно носят часы. Она подумала, что забыла, когда её руки были просто руками — без бирок, украшений и чужих ожиданий.

Телефон на столе завибрировал. Сообщение от Джулиана. Он писал с нового номера, и Элла не сразу поняла, что это он.

«Счёт ещё не закрыт. Дж.»

Элла перечитала текст, не ответила и не удалила, просто положила телефон экраном вниз.

Она взяла влажную салфетку и стёрла тональный крем. В зеркале посмотрело лицо без бронзы, без «выжившей», без «лица бренда». Уставшее. Злое. Её.

Элла вышла из гримёрки.

За дверью всё ещё спорили: Сара говорила быстро, режиссёр перебивал, в трубке кто-то требовал отчёта. Элла проскользнула в коридор, и голоса обрезались, будто дверь отсекла кусок чужой жизни.

Здесь было пусто. Ни ассистента, ни планшета, ни голоса, который скажет: «Левее. Дыши. Улыбнись».

Впервые за всю эту неделю никто не говорил ей, что делать, как стоять и что чувствовать.

Она сделала шаг. Каблук скрипнул по бетону.

Никто не сказал, правильно ли.

Тишина ждала, как ждут следующего дубля.

Глава 7. «Акулы в бассейне»

Sterling Group сняла виллу в Малибу на выходные под встречу с инвесторами. Бассейн лежал чёрным зеркалом под ночным небом. Огни террасы дрожали в воде, и Элле казалось, что стоит сделать шаг — и она провалится в чужую рекламу. У кромки звенел лёд в стаканах.

Элла держала бокал шампанского, который ей подали три минуты назад. Платье Sterling Heritage обтягивало спину, жёсткие швы давили на лопатки, ткань холодила кожу. Из открытых дверей дома тянуло прохладой, и по плечам бежали мурашки. Лямку поправить было нельзя: руки были заняты бокалом. Она стояла ровно, пока мышцы не начали неметь.

Она не ела весь день. Первый глоток шампанского ударил в голову так, что мир на секунду поплыл. Элла поставила бокал на бортик, чтобы больше не пить. Через секунду взяла снова: без него руки не находили себе места.

Пузырьки поднимались, лопались у поверхности и исчезали. Элла смотрела на это слишком долго.

Сара стояла у входа в дом, разговаривая по телефону. Элла сделала шаг к ней, но Сара даже не повернулась. Только подняла палец: «минуту».

Через минуту Элла уже была не одна. С ней были Брэндон и Виктория.

Брэндон Кейн — человек, чей пост мог поднять акции и

уничтожить репутацию с одинаковой лёгкостью. Он держал бокал так, будто готовил тост для камеры. Вокруг него всегда собирались те, кто ждал, когда он заговорит первым.

Виктория Лейн редактировала цифровое модное издание, за которым следили бренды, агенты и совет директоров Sterling. Она не убирала телефон: уже выбрала угол, откуда Элла попадала в кадр краем лица, между плечом Брэндона и огнями бассейна.

Никто из гостей не встал между ними. Все знали цену их вниманию.

— Мисс Вэнс. — Брэндон поднял бокал чуть выше, чем требовал этикет. — Рад видеть вас вертикально. Лежачие интервью, конечно, продаются лучше, но стоячие вежливее.

Виктория наконец подняла глаза от экрана, и улыбка у неё вышла дежурной, натянутой, как шов на чужой ткани.

— Это было так неожиданно, — сказала она. — Некоторые решили, что перформанс. Ты ведь не обиделась? Я просто спрашиваю для контекста.

Пальцы Эллы сжались вокруг стекла. Шампанское плеснулось, грозя пролиться на шёлк. Ей хотелось сказать: «Да, было больно. И я запомню, кто смеялся». Вместо этого уголки рта сами поползли вверх. Элла ненавидела эту улыбку: она появлялась раньше, чем она успевала решить, смеяться ей или плакать.

Она хотела сказать «нет». Слово застряло где-то между горлом и зубами. Вместо него вышло мягкое, согласное «да,

но». Только потом Элла нашла слова.

Ткань платья давила на рёбра при каждом вдохе. Желудок сжался от пустоты и шампанского. Элла дышала коротко, чтобы не выдать, как внутри всё тянется к воде.

— Я не планировала, — сказала Элла. Голос вышел тише, чем она хотела. — Пол был скользкий. А свет... свет всегда выглядит безопаснее, чем есть.

Брэндон повертел бокал. Лёд звякнул тихо и дорого.

— Свет в этом городе стоит ровно столько, сколько за него заплатили. — Он чуть склонил голову. — Ты, кажется, уже расплатилась.

Виктория не дождалась ответа. Телефон в её руке был чуть наклонён; Элла попадала в кадр краем, как ненужный предмет.

— Давай проще. Перформанс или случайность? Мне нужно слово, которое не будет выглядеть жалобой.

Элла посмотрела в чёрную воду. В отражении платье казалось не белым, а больным.

— Случайность.

Виктория вздохнула. В вздохе было разочарование человека, которому принесли не тот заголовок.

— Жалко. Случайности живут один день.

Она посмотрела на экран, будто уже искала другое слово.

— Мне нужно что-то, что останется в архиве.

Брэндон коротко рассмеялся. Смех вышел сухим, как щелчок затвора.

— Не мучай девочку, Виктория. У неё и так день не задался. — Он поднял бокал чуть выше, чем требовал этикет. — За неудачный день. Из него хотя бы выходит кадр.

Элла не отпила. Шампанское выдохлось, стало плоским и сладковатым, как чужая забота.

— Это была моя жизнь, — сказала она.

Слово вышло громче, чем она рассчитывала. Она сама не поняла, зачем сказал это вслух.

Брэндон чуть склонил голову.

— Жизнь, — повторил он мягко, почти сочувственно. — Неудобный материал.

Он не повысил голос. В этом и была опасность: при желании его слова можно было принять за заботу.

— К утру решим, кто вы: трогательная история или неудобный пример. Достоинство тут, боюсь, не аргумент.

Где-то за спиной звякнул лёд. Элла перенесла вес с ноги на ногу; каблук врезался в ступню. Колени дрожали, но подбородок она держала ровно.

— Зато мою историю не правили в студии, — сказала Элла, впервые посмотрев Виктории прямо в глаза.

Виктория не убрала телефон. Только улыбнулась — ровно, как улыбаются, когда хотят сделать вид, что не услышали.

— Дорогая, правда слишком сырая для обложки. Здесь выигрывает версия, которая хорошо смотрится в кадре.

Она повернула экран так, чтобы Элла попала в него краем лица, бледная и слишком прямая для этого света.

— Вот это уже заголовок. «Новая дива Лос-Анджелеса режет старую гвардию». Завтра будет тренд. Послезавтра — кто-то посвежее.

Воздух у бассейна на секунду стал гуще. Кто-то из гостей перестал пить. Брэндон посмотрел на Эллу так, будто впервые увидел в ней живую, неприятную помеху.

— Старую гвардию я не режу, — сказала Элла. — Распускаю шов.

Виктория перестала улыбаться. Не обиделась. Оценила.

— Медленно. Зато все нитки наружу.

Брэндон не отвёл взгляда. Светская мягкость в его голосе стала тоньше, почти прозрачной.

— Только помни: зал видит шов. Руку — нет.

Элла сжала пустой бокал. Пальцы побелели.

— Только не рвите.

— Рвать не станем, — сказала Виктория. — Подгоним по фигуре.

В тени террасы стоял Джулиан. Стакан виски в руке, лицо непроницаемое. Он не сделал ни шагу к ней, только держал стакан и смотрел так, как смотрят на тестовый образец: выдержит нагрузку или нет. Пальцы сжимали хрусталь, но стакан так и не поднялся к губам.

Потом он поставил виски на стол, недопитое, и ушёл в дом. Не оглядываясь.

Элла смотрела на недопитый стакан и ждала, что он вернётся. Он не вернулся.

Вечер пошёл дальше. Гости разбились на группы, фотографии уже уходили в сеть. Элла осталась у воды. Телефон в кармане дрогнул. На экране мелькнуло: «Victoria Lane mentioned you». Элла не стала открывать. Знала, что там будет её лицо, повёрнутое к воде, и чужая подпись: «Новая дива Лос-Анджелеса режет старую гвардию». Под уведомлением уже росло число: +45 000.

Шампанское в бокале выдохлось. На языке осталась кислая, плоская сладость. Элла наклонила бокал. Жидкость упала в воду и растворилась без звука. Она поставила пустой бокал на бортик и не оглянулась.

В тёмной воде смотрело её лицо. Макияж был идеальным. Губы сложены в улыбку. Глаза не участвовали. Элла посмотрела на отражение и не сразу поняла, чьё лицо улыбнулось первым.

Где-то в доме засмеялись. Отражение не дрогнуло.

Глава 8. Баланс страха

Лифт прошёл двадцать пять этажей, прежде чем Джулиан успел сосчитать до трёх. Табло замерло. Двери разошлись, выпуская запах остывшего эспрессо, кожи и свежей печати.

На белом кожаном диване сидел Артур Хаммонд, председатель совета директоров. На планшете в его руках красные линии шли вниз.

Хаммонд не поднял глаз.

— Я ждал тебя двадцать минут, — сказал он. — Пять прощаю. Остальные спишут с бонуса.

Джулиан вошёл, бросил пиджак на спинку кресла, сел за стол. Второй стул напротив остался пустым.

Хаммонд оглядел его, выискивая ярлык с браком.

— Я сделал то, что ты оставил на полпути, Артур, — ровным голосом произнёс Джулиан. — Спасал твою пенсию.

— А акционеры требовали твою голову на подносе, — парировал Хаммонд. — С лимоном. Чтобы было красиво.

Он повернул планшет.

— После Малибу акции потеряли три процента. Инвесторы называют это отчаянным ходом. По молодому премиальному сегменту прогноз ещё сквернее.

Джулиан положил руки на стол, закрыл ноутбук и поправил манжеты: левую, потом правую.

— Роуз Кармайкл ушла под давлением. Элла держит удар.

Хаммонд фыркнул.

— Давление? Ты сломал девочку и называешь это управлением. Оставь это слово в покое.

Джулиан подождал.

— Поэтому у меня не рычаг, — сказал он, — а процедура.

Он выложил на стол три тонких файла: серый, синий и прозрачный. Обложки были чистыми — только колонтитулы, номера страниц и даты.

Хаммонд оставил их лежать.

— Что это?

— Уведомление о существенном внутреннем риске. Мандат специального комитета. И письмо страховщику: обстоятельства, которые могут повлечь иск.

Хаммонд взял серый. Листы шуршали сухо, по-канцелярски.

— Ты принёс мне признание.

— Я принёс устав. Слова «виновен», «знал», «скрыл» там отсутствуют. Есть только обязанность совета рассмотреть сигнал службы соответствия до вмешательства внешнего аудитора.

Джулиан подвинул синий файл.

— Соглашение с внешней криминалистической фирмой вышло от службы соответствия, минуя меня. Мандат ограничен предварительной оценкой. Если совет отстранит генерального директора без уважительной причины до окончания оценки, мандат расширится. Регламент, который ты

утверждал в прошлом году, так и пишет.

Хаммонд поднял глаза.

— Ты встроил бомбу в корпоративное управление.

— Я не бомбу, тормоз: если совет уберёт меня раньше срока, проверка расширится сама.

Прозрачный файл лежал поверх двух других. Внутри было короткое письмо страховому брокеру.

— Полис ответственности директоров требует уведомлять не о самом иске, а об обстоятельствах, которые могут к нему привести. Мы уведомим. Страховщика волнует мораль в последнюю очередь. Его интересуют раскрытие, бонусы и вопрос, почему совет знал и не созвал комитет.

Хаммонд молчал. Палец его задержался на краю планшета.

— Где документы?

— Не здесь.

— Где?

— Оригиналы — в режиме сохранения доказательств у внешнего юрисконсульта. Хронологию ведёт криминалистическая фирма. Страховые последствия считает урегулировщик. Каждая часть живёт у своего хранителя. По отдельности они глухие. Я знаю, где лежит каждый осколок.

— А если я отстранюсь?

— Ты подпишешь. Отказ станет протокольным решением, которое аудитор вправе счесть существенным.

Хаммонд фыркнул, но звук вышел сухим.

— Красиво. Ты заставил меня выбирать между двумя видами самоубийства.

— Между двумя решениями, — поправил Джулиан. — Одно — тебе уйти самому, красиво и без лишних вопросов, как человеку, который всё понял. Другое — подписать, что в случившемся будут разбираться посторонние. Контроль, Артур, вещь красивая. Но подпись на бумаге стоит дороже.

Голос Джулиана оставался ровным. Он подвинул прозрачный файл ближе к краю стола.

— К утру среды отраслевое издание получит формулировку. «Sterling Group добровольно инициировала независимую оценку рисков по программе Heritage». Без имён и обвинений. Элла Вэнс останется за скобками. Рынок заметит отсутствие.

— А если не сработает?

— Комитет получит полный мандат. Я уйду после раскрытия.

— Что тогда останется у тебя?

— Ничего. У меня нет документов. Только знание, а знание без бумаги — просто слова. Слова, Артур, всегда стоят дешевле документов.

Хаммонд вытер ладонь о брюки. Рука осталась сухой.

— Ты предлагаешь мне соучастие.

— Я предлагаю тебе остаться председателем до среды.

Хаммонд посмотрел на серый файл, на пустую строку для подписи.

— Я могу позвонить в комиссию раньше тебя, — сказал он.

— Можешь. Только звонок председателя выдаст панику быстрее, чем бдительность. Паника дороже процедуры.

Хаммонд молчал.

— Эта девочка не инструмент, — сказал он наконец. — Сегодня она кусает инфлюенсеров. Завтра может укусить тебя.

— Она свидетель. Свидетелей проверяют на надёжность. Долги и страх нищеты делают её договороспособной. Я закрываю платежи, она выходит в кадр.

— Ты превратил человека в актив.

— Ты подписал отчёт, где её удержание названо снижением репутационного риска. Я продолжаю твой язык.

Хаммонд встал. Пошел к двери, и кабинет словно стал меньше, у самого выхода он обернулся.

— Уходи, Джулиан. Пока я ещё могу сделать вид, что мы договариваемся.

— Уже договорились.

Дверь закрылась без хлопка, оставив короткий щелчок замка.

Джулиан остался один. На сером файле виднелась вмятина от ногтя Хаммонда. Он убрал файлы в портфель, застегнул его и посмотрел на пустое пятно на столе. Внутри лежала процедура — холодная, отзываемая только другим документом.

Руки были спокойны. Впервые с ночи после Малибу. Он разжал и сжал пальцы; сухожилия послушались. Пустой стул напротив держал спинку прямо.

Он набрал Сару. Голос звучал ровно.

— Отправь мандат внешнему аудитору и страховому брокеру. Мимо юридического отдела: юристы начнут спорить о привилегии, аудиторы любят сроки. Если спросят, кто авторизовал, — инициатива службы соответствия. Моё имя оставить за кадром.

В трубке дышали ровно. Сара выслушала молча.

— Поняла. А если Хаммонд спросит напрямую?

Джулиан выдержал паузу.

— Хаммонд не спросит. Он подпишет.

— А Элла?

— Пусть спит. Завтра она должна выглядеть уставшей, но целой. На камере трещины видны.

Он сбросил вызов. Телефон лёг на стол экраном вниз.

За окном Лос-Анджелес мигал рекламой, башнями, чужими окнами. В чёрном стекле монитора отражалось лицо. Спокойное, чужое, с ровным взглядом. Джулиан нажал кнопку питания. Экран погас. В тёмном квадрате осталась только лампа.

Глава 9. Мальчик, который не имел права плакать

Джулиану было двенадцать.

Кабинет отца был похож на аквариум, из которого выключили свет: тёмное дерево, стекло.

Ковролин под ногами казался живым — густой, тёмно-бордовый, почти мохнатый. Он глушил шаги, шорох бумаг и тихий скрип кожи отцовского кресла.

Не глушил только часы.

Настенные часы над сейфом тикали ровно и зло, и Джулиан считал удары, потому что иначе начинал слышать собственное сердце. Сердце билось неровно, и он боялся, что отец услышит.

Отец сидел за массивным столом. Руки лежали на раскрытом журнале, пальцы ровные, ухоженные, только мизинец правой слегка отводился в сторону — старый перелом, сросшийся криво. Джулиан знал эту историю наизусть, как знают семейную болезнь: в двадцать лет дед ударил отца тяжёлой деревянной тростью за ошибку в финансовой отчётности. Потом отец долго не мог держать ложку правой рукой. С тех пор кривой мизинец значил для него больше, чем любые угрозы.

Он держал журнал так, будто на развороте лежал не чужой

провал, а чей-то незакрытый счёт. И весь кабинет — тёмный ковролин, настольная лампа с тяжёлым абажуром, часы над сейфом — ждал, пока он выберет, с чего начать разговор.

— Ты вошёл и сразу стал дышать осторожнее, — сказал отец, не поднимая глаз. — Это лишнее.

Джулиан не понял, что в этих словах было страшнее крика: отец всё ещё считал его способным понять.

— Я не оценю, если ты будешь стараться стать меньше, — продолжил тот. — В этом доме уменьшаются только те, кто уже согласился, что его можно не замечать.

Джулиан стоял между столом и дверью, не решаясь ни опуститься на стул, ни сделать ещё шаг. Отец заметил эту нерешительность и перевернул страницу. Плотная бумага шуршала в тишине слишком отчётливо.

— Садись. Не на край. Садись нормально.

Джулиан сел. Колени сами развернулись к столу, руки легли на бёдра, пальцы сжались в маленькие кулаки.

Отец повернул журнал к нему. Не торопясь. Давая рассмотреть чужое падение до вывода.

На развороте был Артур Пендлтон. Не тот, которого показывали в новостях как победителя, а другой — с покрасневшими веками, смятым воротником, с лицом человека, который ещё не упал, но уже перестал держать равновесие.

— Что ты видишь? — спросил отец.

— Человека, у которого неприятности.

— Неприятности бывают у всех. У тебя тоже будут.

Отец коснулся страницы указательным пальцем. Мизинец при этом чуть отставил, будто сам по себе имел право на отдельное мнение.

— Вопрос не в них. Вопрос в том, когда человек позволяет чужим глазам увидеть, что ему нужна опора, и не подумал, кто именно стоит рядом.

Джулиан смотрел на фотографию, но видел не Пендлтона. Видел, как отец держит журнал: не за край, а почти ладонью, будто боялся, что страница выскользнет.

— Посмотри на его пальцы, — сказал отец. — Они ещё держат страницу. Через неделю он будет держать только чужие решения. Такие люди ломаются не из-за денег. Они ломаются, когда позволяют кому-то увидеть, что им нужна помощь, а потом обнаруживают, что помощь пришла не бесплатно.

— Папа, он просто…

— Я не запрещаю тебе думать. Я прошу не торопиться с выводом, пока ты не увидел всю картину.

Отец отложил журнал ладонью. Не закрыл — придавил. Будто под ладонью была не страница, а чужая кожа.

— Человек, который плачет в одиночестве, ещё не потерял себя. Потеря начинается, когда он выходит к людям с этим лицом и надеется, что его пожалеют.

Джулиан сглотнул. В горле пересохло.

— Возьми.

Отец подвинул журнал к краю стола.

Джулиан потянулся, коснулся глянцевой бумаги. Она была холодной.

— Держи. Смотри на его руки. Не опускай глаз, пока я не скажу.

Джулиан поднял журнал. Он оказался тяжелее, чем казался. Пальцы сразу начали уставать. Он выпрямил спину, как учили, но страницы дрогнули.

— Ровно, — сказал отец.

Джулиан выровнял руки.

Где-то за дверью прошла горничная, и пол под ковролином дрогнул от её шагов.

Прошла минута.

Вторая.

Руки Джулиана начали ныть. Не сильно — тупо, по-мышечному. Он сжал пальцы крепче, чтобы журнал не съехал. Бумага врезалась в подушечки.

— Ты дрожишь, — сказал отец.

Джулиан не ответил.

— Хорошо. Дрожь честнее слёз. Но её нельзя показывать.

На десятой секунде веки налились жаром — детским, постыдным, предательским.

Одна слеза сорвалась раньше, чем он успел моргнуть.

Отец увидел это раньше Джулиана.

Встал. Обошёл стол. Тень легла на мальчика целиком, отрезала от света настольной лампы. Рука легла на плечо и сжала. Крепко. До боли в ключице.

Запах дорогого одеколона ударил в нос, но под ним проступал другой — кислый, влажный. Пот.

Джулиан увидел, как желвак ходит под скулой отца, как палец с кривым мизинцем впиливается в край журнала.

Отец боялся.

Не его. Другого. Той самой цифры, которая уже съела Пендлтона. И боялся, что сын это заметит.

Большой палец отца стёр слезу с щеки Джулиана. Медленно. Как стирают пятно с манжеты.

— Не смей, — прошипел он.

Голос сорвался на старое, стыдное — эхо дедовой трости.

Джулиан запомнил не слабость отца, а страх быть пойманным на слабости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.